

О таких сепаратных соглашениях оне должны немедленно сообщать Союзному Правительству. Последнее, если усмотрит несогласованность данного соглашения с Союзною Конституциею или законами Союзного Круга, вправе опротестовать такое частное соглашение перед Высшим Союзным Судом, который постановляет по делу окончательное решение, обязательное для всех участвующих в деле сторон.

Примечание: правило этой статьи применяется и к соответственным законодательным и административным актам отдельных Областей.

(Продолжение следует).

Шамба Балинов.

Чем стало Казачество.

(Продолжение).

Взаимоотношения между независимым Доном и Московским царством долгое время были взаимно-союзными: со стороны казаков вынужденному по экономическим причинам (военные припасы, хлеб, сукна), а со стороны Москвы вынужденными потому, что она не имела силы подчинить себе свободолюбивых казаков, т. е. просто политической тактикой „впредь до“. Связь между ними поддерживалась путем обмена посольствами.

Конечно, попытки подчинить казаков со стороны Москвы делались и тогда, и неоднократно, но все оне решительно пресекались Казачеством в самом начале. Так, например, в 1593 году Борис Годунов сделал попытку, прислав на Дон посла своего, Нащокина, с грамотой царя Феодора с требованием к казакам жить в миру с азовцами, отпустить без „откуп“ турецких „полоненников“, чтобы сами казаки были „с сыном боярским Хрущовым на Дону в Раздорех, где пригоже“, и царским делом „промышляли с Петром Хрущовым“.

Этот Московский посол, руководясь неизменным принципом — разделей и властуй, — еще по пути угворил некоторых верховых казаков и одного из их атаманов, Вишату Васильева, привез в „Главное Войско“ для уговора, чтобы оно подчинилось царскому велению. Но казаки „Главного Войска“ этого злосчастного атамана Вишату Васильева просто „посадили на воду“ за то, что он „всему Войску изменник“, что он „государю добродохотает“...

На это отозвался Годунов присылкой нового своего посла, кн. Волконского, с грозной грамотой, в которой именем царя обещал „послать на Низ Доном к Раздорам большую свою рать и поставить велим город на Раздорах, а вас сгоним с Дону, и вам от нас и от турецкого Салтана где избити“... т. е. грозил пойти войной на Дон, оккупировать его и поставить царскую крепость в центре Донской республики, а для вящего наказания казаков обещался еще вступить в союз с вековечным врагом Москвы, с турецким султаном (Св.). В осуществление этой своей угрозы, Борис Годунов, вступив на престол, для „обуздания казаков“, построил город Царев-Борисов. Когда Крымский хан, встревоженный постройкой новой крепости, запросил — почему это делается, то Борис Годунов прямо ответил: „эта мера направлена не против татар, а против казаков“.

Но казаки не побоялись ни этой угрозы, ни постройки новой крепости против них, и остались на своих местах. Единственным последствием этих „грозных“ мероприятий Годунова было то, что „Войско хорошо запомнило угрозу Бориса „поставить город в Раздорех“ и в течение всего своего существования все усилия прилагало к тому, чтобы на войсковой территории не было ни крепости царской, ни войска царского, ни воевод“, что ему легко удавалось, пока Донское Казачество было едино, пока не было в нем социально-политического расслоения, пока русская „разделительная“ политика наткнулась на единую волю всего Казачества.

Государственная независимость Казачества и формально признавалась Москвою. Тот же Борис Годунов, „поручая своему послу сговариваться с Азовским пашой, чтобы азовцы жили с казаками в миру, оговаривался, чтобы и казаки сами „в Азов от себя с сылались“, т. е. этим признавалось Донское государство и

его право на самостоятельные дипломатические сношения с иностранным миром.

Донское государство безусловно признавалось Москвою и фактом оказывания ею казачьим посольствам („Зимовые Станицы“) чести наравне с другими иностранными посольствами и тем, что в „сентябре 1614 г. сношения с Донскими казаками были переданы из Разряда в Посольский приказ“ (учрежденный в 1601 г.). „Таким образом, — продолжает проф. Сватиков, — Россия признавала Дон государством, а не общиной казачьей, и установила сношения с колонией через ведомство иностранных дел“... „Передача сношений с Донцами в Посольский Приказ в том же 1614 году, говорит тот же Сватиков в другом месте, — обозначала признание их (донцов) особым народом, а колонию — особым государством. Со своими подданными через Министерство Иностранных Дел, и только через него, не сносятся“.

Таким образом с неопровержимой ясностью устанавливается, что Дон представлял из себя самостоятельное, ни от кого независимое государство, имеющее свою определенную территорию, свой народ, свою законодательную, судебную и исполнительную власть, обладающее никем неограниченным правом совершенно самостоятельного международного дипломатического сношения, объявления другим народам войны, ведения ее, заключения мира, правом принимать у себя иностранных послов, с редким по тому времени правом оказывать политическое и религиозное убежище всем гонимым, по своей доброй воле, „по своему изволению“ лишь державшее союзное отношение с Московским царством.

Послы этого казачьего государства в Москве „пользовались безусловной неприкосновенностью, равно как и их свита и багаж“, а по словам русского ученого Котошихина, „как они (казаки) к Москве приедут, и им честь бывает такова, как чужеземским нарочитым людям“...

Мало того, что „в области суда и управления, как и в области законодательства, Дон был самостоятелен“, но даже и в пределах Московского царства „по отношению к казакам было установлено твердое правило неподсудности их московскому суду... казаки на Москве пользуются полной неприкосновенностью“. По словам того же Котошихина, Донские казаки „будучи на Москве или в полках, кто что сворует царского наказания и казней не бывает, а чинят оного меж собой сами же“...

„С Дона выдачи нет!“ — тоже выражение державного права Дона. Это право настолько было общепризнанным и настолько ревниво оберегалось, что под сенью его спасались многие московские люди (политические, а главным образом религиозные русские эмигранты того времени), которые через некоторое время смело могли приезжать обратно в Москву не боясь того, что их там схватят, „потому что, — пишет Сватиков, — Доном оне от всех бед освобождаются... Воздух Дона делал людей свободными, это было незыблемым правилом XVII века“.

Пока это право незыблемо соблюдалось всем Доном, пока все казаки были едины в понимании и защи-

те своих высших прав, пока не появились на Дону охотники — казаков «к Москве возить, будто азовских ясырей», пока не было на Дону «даровых полицеймейстеров» из казаков, нарушивших это высшее казачье право, — силен и могуч был Дон.

Но затем появились на Дону люди из среды войсковой старшины, которые стали «доброхотствовать» Москве и способствовать нарушению этого высшего и священнейшего права Дона (не выдавать политических и религиозных беглецов), а потом, уже по привычке, ставшие выдавать и своих казаков. Началось это несчастье в 1761 году, когда состоялась выдача атамана Степана Разина на расправу Москве, после чего началось осуществляться предсказание Запорожского Атамана Серко: «как только одного выдадим, тогда всех нас Москва по одному разволочет».

В те времена Дон являлся независимым и в области церковного управления, самостоятельно решая все вопросы, касавшиеся церкви, монастырей и духовенства, сам выбирая церковно и священно служителей, когда власть и забота патриарха Московского и всея Руси в отношении Дона выражались только в присылке предметов церковного обихода и в посвящении в священники тех кандидатов, которые присылались с Дона.

В этом отношении дело порою доходило далеко. Например, в конце XVII ст. раскольничьи вожди на Дону стали проповедовать, что «отпадшие веры (суть) Рим, Польша, Киев с товарищи, Греки, Москва; только де осталась благочестия малая ветвь на Дону; и от той ветви расцветет многое благочестие». Тогда же «умышляли» «учинить на Дону особого патриарха или епископа». И проф. Сватиков от себя добавляет, что «подобное стремление было логическим выводом из положения церкви на Дону».

Таким образом, Дон в те времена имел все признаки и элементы самостоятельного государства во всех областях своей государственной жизни: общественно-политической, законодательной, судебной и церковной, проводя всюду определенный принцип — начало выборности, народоправства.

За всем тем, со стороны Москвы делались постоянные попытки уничтожить эту казачью государственную независимость, об одной из которых, может быть первой сознательной — попытке Бориса Годунова — я уже говорил выше. Делались и другие попытки в этом направлении и, если, тем не менее, до Петровского разгрома, до начала XVIII в., Дон сохранил свою государственную независимость, то это не потому, что Москва этого хотела, а только потому, что, по словам проф. Сватикова, «просто царство (Московское) было слишком слабо, чтобы наложить свою руку»...

Давление, натиск на Казачество делались по всем направлениям. Для этой цели использовалась и религия. Например, патриарх Филарет угрожал казакам «от патриарха... быти в полном запрещении», если казаки не покорятся Москве.

Всячески угрожал и царь Михаил, который в 1630 г. послал на Дон своего посла, Ив. Карамышева, с грозным царским указом о приведении казаков в послушание, на что казаки ответили тем, что просто «обезглавли» этого царского посла. Это обстоятельство заставило Москву прервать всякие сношения с Доном, а бывшие в то время в Москве казачьи послы, атаман Наум Васильев и 70 чел. казаков были «все по городам рассожены и показаны, а иные перекованы, пометаны в заключение, помирали голодной смертью».

Москва, бессильная нанести прямой удар, прекратив всякие сношения, хотела взять Дон измором, но казаки не испугались. В результате взаимных угроз, через два года, в 1632 году, сношения между Москвой и Донской республикой были снова восстановлены.

И при царе Алексее Михайловиче Москва неоднократно пыталась умалить, ограничить самостоятельность Дона (присылка на Дон послов Ждана Кондырева (1646) и Андрея Лазарева), каковая «работа» для Москвы к этому времени в значительной степени была облегчена полным изнурением Казачества в связи со взятием Азова, «когда подорвавши силы на геройском подвиге взятия Азова (1637) и пятилетнего им владе-

ния, Донские казаки должны были почувствовать, что с их державным народным собранием (Кругом) начинают поговаривать на Московском языке». В этом отношении одним из сильных оружий в руках Москвы для воздействия на казаков являлась угроза экономической блокадой Дона, каковым оружием Москва пользовалась не раз.

«Закрывало свои границы для проезда на Дон и из Дона Московское государство и при Борисе Годунове, и при Михаиле Федоровиче (1626-1627, 1630-1632) и при Алексее Михайловиче (в эпоху Разинского восстания). Закрытие границ правительство угрожало неоднократно. Понятие экономической блокады было и тогда известно, и угроза блокады оказывала свое воздействие на руководящие круги Донской республики». (Св.)

Эта угроза экономической блокадой, — историческое оружие Москвы против казаков, — является одним из главных «аргументов» и у современных противников вольноказачьего освободительного движения. Но они забывают, что если тогда казаки были экономически беззащитны, в силу того, что богатства, таившиеся в недрах их Земли и экономические возможности Края не были использованы, то теперь Казаки Земли являются одним из богатейших экономических краев.

Тогда, в XVII веке, экономическое преимущество было на стороне Москвы. Но несмотря на это свое преимущество, почти до конца XVII столетия Москва не имела никаких успехов в своих делах, направленных на ограничение и подавление казачьей государственной независимости. Только в последней четверти XVII ст., когда само Казачество разделилось на два лагеря:

на «домовитое казачество», дорожившее «царским жалованием», на «казачью старшину», прилепившую сердцем к Москве во имя «освобождения из под власти толпы», т. е. своего народа, Круга, во имя почести и благ земных» с одной стороны, и на голутвенное казачество», мечтавшее «о насаждении всюду казачьего устройства», с другой.

Москве удалось достигнуть крупных успехов в деле подавления казаков.

Нужно обратить особое внимание, что «успех» Москвы стал возможен только тогда, когда сами казаки «увлеклись» чужими интересами (как и в 1918-20 годах), вне пределов Казачьей Земли лежащими: одни, «домовитое казачество» — «царским жалованием», а другие, «голутвенное казачество» — обширной задачей — облагодетельствовать род человеческий «социальной революцией»!

В результате, Москва, при активной поддержке «домовитого казачества», из за «почестей и благ земных» по первому требованию Москвы — «чинить промысел над вором Стенькою и братом его Фролкою и над иными зачинателями воровству, и поймав тех воров Стеньку и Фролку, привезти к Москве» — выдавшего ей на расправу славного Донского Атамана Степана Тимофеевича Разина, — добилась своего крупного «успеха» в деле умаления казачьих прав. Казачество, сильно ослабленное разделом на два лагеря взаимной распрей, поражением движения Разина, продолжавшегося несколько лет (1667-1671), под прямым давлением полковника Косогова, прибывшего на Дон с отрядом в 1000 чел., после нескольких дней горячих споров, 29 августа 1671 года вынуждено было присягнуть на верность Москве.

Это вынужденное формальное подчинение, хотя и не коснулось внутренних распорядков Донской республики, но все же лишило Дон его суверенитета.

И конечно, Москва была очень благодарна «разумным старшинам» за помощь, оказанную ей при подавлении движения Разина. И понятно, что с этого времени необыкновенно усилилось влияние на Круге «знатной и разумной старшины и прочих добрых сердец казаков», т. е. сторонников Москвы. Таким путем, ценою предания лучших казаков, славного казачьего атамана, некоторые казаки удостоились лестной характеристики Москвы — «добрых сердец казаков»! С этого времени и до наших дней продолжается трогательное единение Москвы и Петербурга и казачьей «войсковой старшины», (не всей конечно. Ред.), взаимная их помощь друг дру-

гу: Москва помогает „войсковой старшине“ освободиться от власти казаков, всячески выдвигая ее, щедро награждая внешними знаками отличия, высокими титулами, всячески рекламируя, искусственно создает авторитет и „положение“ „добрых сердец казакам“; в свою очередь „войсковая старшина“ за совесть помогает Москве „обуздывать строптивых казаков“, запрягать их в русское ярмо, с завидной энергией способствует делу угашения казачьего духа, всячески понося всех тех казаков, в ком еще горит казачья искра, в лучшем случае наделяя их эпитетом „бесплодные романтики“, „казаккоманы“, а в худшем — называя их просто преступниками...

Конечно, для этих „добрых сердец казаков“ ничего не могло говорить обращение к Дону Украинского гетмана Брюховецкого, который в 1668 году писал Донцам: „московские царьки, бояре безбожные, усюветовали присвоить себе нас в вечную кабалу и неволю, но всемогущая Божия десница, уповаю, освободит нас... Вы, братья моя милая, при славе, победе и вольности пребывать привыкли. Порадейте, господа, о золотой вольности... и не прельщайтесь обманчивым московским жалованьем. Остерегаю вас: как только нас усмирят, станут промысливать об искоренении Дона и Запорожья... Не прельщайтесь их несчастною казною, но будьте в братском единомыслии с господином Стенькою, как мы находимся в союзе с Заднепровскою братнею нашею“...

К сожалению, Донская старшина не только не стала вместе с „господином Стенькой“, но уже успела его передать Москве и именно „прельщившись“ „московским жалованьем“, „их несчастною казною“!

События 1671 г. были первым тяжелым ударом Москвы по казачьей государственной независимости, за каковым ударом, затем, последовал целый ряд самых жестоких ударов и мероприятий, в конечном итоге которых — независимая Донская республика с выборным президентом во главе превратилась в российскую провинцию с назначенным Москвою, а затем Петербургом, генерал-губернатором во главе, в виде наказных атаманов, а сами свободные некогда граждане республики, вольные степные рыцари превратились в „дарских опричников“, как аттестовала их позже русская либеральная интеллигенция.

С этого времени (1671) началась борьба двух политических „лагерей“ в среде самого Казачества: лагерь по преимуществу „войсковой старшины“, т. е. „московской партии“, во всем следовавшей указаниям Москвы, и лагерь защитников донского народоправства, казачьей независимости. В одно время видным лидером первого, старшинского, лагеря был атаман Фрол Минаев, а последнего — б. атаман Самойло Лаврентьев и Чюрносос.

Вследствие безусловной поддержки „войсковой старшиной“ домогательств Москвы, влияние последней на Донские дела возросло, политический гнет усиливался, что вызывало резкий отпор со стороны защитников земля „казачьево присуду“, казачьей независимости. Отталкивание последних от Москвы было настолько велико, что они готовы были с оружием в руках отстаивать свое право и посылали на Яик и Терек ходяков: „аше-ли будет на нас какой опал с Москвы, вы к нам тогда придите... станут де за нас и многие орды и калмыки“, ставили „вопрос о союзе вольных колоний Дона, Яика и Терека“, а также о „необходимости военного союза с калмыками против Москвы“...

Позиция защитников Донской независимости, следовательно, право Дона оказывать убежище политическим и религиозным эмигрантам, очень соответствовала интересам русских раскольников, от жестокой расправы русского царя бежавших на Дон. И эти раскольники, защищая свою религиозную свободу, также являлись и защитниками Донской независимости. В этот период был момент, когда, по словам проф. Сватикова, „зобеждало даже течение в пользу отделения от Руси и в политическом, и в военном, и в религиозном отношении“. Это, ведь, и совсем не удивительно, ибо борьба „партии независимости“ именно была борьбой „в пользу отделения от Руси“, без чего и независимости нет!

Но, к сожалению, за „войсковой старшиной“ была „мощная поддержка московского правительства“ и она, во главе с Фролом Минаевым в конце концов победила и, победив, выдала на расправу Москве б. войскового атамана Самойла Лаврентьева с товарищами. В результате: „10 мая 1686 года на Красной площади и на Болоте, под топорами палача, упали головы десятка казаков — Чюрнососа и других вождей „раскольничьей партии“. В их числе казнен был и б. войсковой атаман Войска Донского, Лаврентьев. Не Дон казнил „отпадчиков“ по своему „войсковому жестокому праву“, а московский палач“ — пишет проф. Сватиков.

Это уже второй крупный „успех“ Москвы в деле расправы с Казачеством казачьими же руками, когда некоторые казаки, забывшие свою казачью честь, нарушив древнее казачье право — „с Дона выдачи нет!“ — выдали своих же братьев на расправу Москве, когда десятки защитников жизненных казачьих интересов, высшего казачьего права свои буйные казачьи головы сложили на Московской плахе!

После этой второй расправы, вмешательство Москвы во внутреннюю жизнь Дона путем указов и посылок своих комиссаров, усилилось; действия ее агентов, вторгавшихся в Донскую территорию, стали все решительнее, смелее, а готовность выслужиться перед „матушкой-Москвою“ у некоторой „войсковой старшины“ еще больше. При таком положении понятны казачьи разговоры на Дону, имевшие место в 1701 году: „теперь нам на Дону от государя тесно становится“. Также понятны делавшиеся отсюда прогнозы: „Азову за государем не долго быть; Донские казаки, взяв его, передадутся к турецкому султану по прежнему“ (?!) (Св.).

Петр I, желая положить конец казачьим „волнениям“, в 1707 году послал на Дон кн. Юр. Долгорукого с карательным отрядом в 1000 человек, который, придя туда, „бил, гнал и разорял без пощады“, чем взволновал весь Дон, другими словами — стал тушить пожар, заливая его керосином.

Тогда в защиту чести Дона, казачьих прав выступил „станичный атаман Бахмутского городка, из Трехизбских казаков, Кондратий Афанасьевич Булавин“, поднявший казачье восстание, и „в ночь на 9-е октября 1707 года в Шульгинском городке на Айдаре кн. Юр. Долгорукий и с ним 1000 солдат и офицеров регулярных войск были истреблены“. Затем, вместо убитого повстанцами атамана Лукьяна Максимова, Кондратий Булавин был избран Кругом Войсковым Атаманом, была восстановлена высшая власть Круга, который сменил негодных и казнил преступных старшин, т. е. была восстановлена нарушенная Москвою форма государственной жизни Казачества.

В период своей борьбы с Москвою, Булавин обратился за помощью к Запорожцам, но последние решили „пойти с ним... только тогда, когда он призовет к себе Белгородскую (Аккерманскую) и Ногайскую орды, горских черкесов и калмыков“, каковая выжидательная позиция Запорожцев почти и предрешила участь Булавинского движения.

К сожалению, возрожденная казачья независимость с атаманом Булавиным просуществовала недолго. Москва с помощью „московских казаков“ добила своего и на этот раз: Булавин 11 июля, осажденный в своем курене отрядом Ильи Зерщикова, только что Черкасскими казаками избранного в атаманы, „видя свою гибель, застрелил себя из пистолета до смерти“, а „советники его проклятые“ были выданы на Азов“. Этими „проклятыми советниками“ были: брат и сын Булавина и „пушие его воровские заводчики Сенки Драного сын, да атаман Ивашка Чайкин, Лунка Хохлач, Мишка Голубятников, Кирюшка Калганов с товарищами, человек пятьдесят“.

Так состоялось третье крупное предательство некоторой „войсковой старшины“, — выдача на расправу Москве своих братьев.

Вслед затем Петр I отправил на Дон с карательной целью кн. Вас. Долгорукова, брата убитого Юрия, повелев ему „ходить по тем городкам, которые приступают к воровству (измене, т. е. восстанию), и оные жесть без остатку, а людей рубить, а за-

водчиков на колеса и колья, дабы тем удобнее оторвать охоту к приставању к воровству людей; ибо сия сарынь, кроме жесточи, не может унята быть”...

Такое безмерно жестокое повеление было дано потому, что в Казачестве; действительно, сильна была любовь к своей независимости и опасность укрепления этой независимости тогда была велика, а расправа с Булавиным, действительно, потрясла весь Дон. По словам донесения Меньшикова, „по всему признаваем, что уже все они казаки (Донские) за одно“ (с Булавиным), или, согласно донесению кн. Долгорукого, на Дону „все изменили сплошь“, даже „и нынешний атаман“ (Зерщиков). В глазах русского правительства, оказался изменником даже тот, который недавно предал на расправу Москве булавинец, а самого Булавина заставил застрелиться; оказался предателем Зерщиков, который, недавно предав своих братьев Москве, 26 мая под Черкасском „со всей старшиной и знаменами“ хлебом-солью встречал Долгорукого „знаками рабского подчинения“. При таком взгляде не удивительно, что Москва под каждым донским кустом видела спрятавшегося там „потрясателя основ Империи“, а в каждом казаке самостийника! К стати, и предание своего брата, и это „рабское подчинение“ не спасло самого Зерщикова, который, затем, был схвачен и отправлен в Москву, где на Красной площади отрубили ему голову. А 19 апреля 1709 года его голову, вместе с головой атамана Булавина, в Черкасском сам Петр I, прибывший туда, лично приказал вздернуть на колья. И мертвые казачьи атаманы не давали ему покоя и он, удовлетворяя свою душевную потребность, надругался над памятью мертвых! Отделив от трупа головы, засушив их, потом на казачьем майдане кощунственно тешился засушенными головами казачьих атаманов...

Петр I мало того, что дал повеление бесчеловечно расправиться с Казачеством, но 19 июля 1708 г. дал точное указание, как это сделать: „когда поедешь назад, то по Дону лежащие городки по сей росписи разори и над людьми чини по указу; надлежит опустошить по Хопру сверху Пристанной по Бузулуку; по Донцу сверху по Луганск; по Медведице — по Усть Медведицкой, что по Дону. По Бузулуку — все. По Айдаре — все. По Калитвам и по другим Задонным рекам — все“...

Конечно, бравый солдат кн. В. Долгорукий, сам дававший царю свой совет — „надобно определение с ними (казаками) сделать, чтобы и впредь им нельзя не токмо делать, но и мыслить и вольность у них убить“, — с необыкновенным усердием и точно выполнил повеление своего царственного владыки, (как это желание Долгорукого убить у казаков даже возможность мыслить напоминает кое-кого из современных „казачьих старшин“, упорно обращающихся к казакам, чтобы они ни о чем не думали!).

Итог расправы кн. В. Долгорукого с Доном: „от 7 до 10 тысяч казаков было истреблено в порядке репрессии, не считая погибших в бою. Обозначенные в „росписи“ Петра „городки“ были сметены с лица земли. Бассейн Донца, отрезанный от Войска, был присоединен к Бахмутской провинции; земли по Айдару пожалованы Острожскому, потрудившемуся по усмирению; земли в верховьях реки Хопра, опустевшие после разгрома, разорения станиц Пристанной, Белевской, Григорьевской и прочих, прирезаны были к Воронежской губернии... Но еще важнее, чем потеря миллиона десятин земли, чем эмиграция одних (Некрасов) и гибель других казаков, были для Дона результаты в области внутреннего управления Дона и внешнего его положения“ (Сватиков).

Эта расправа явилась окончательным ударом по казачьей государственной независимости, когда Москва почти неограниченно стала диктовать свою волю казакам, когда Петр I мог легко „советовать“ им „выбрать атамана доброго человека“, хорошо зная, что его „совет“ будет исполнен. Таким „добрым человеком“, после казненного в Москве атамана Зерщикова, явился Петр Рамазанов, избранный Кругом в Атаманы, относительно которого Петр „выразил желание, чтобы Рамазанов атаманил до смерти, без смены“.

Этой кровавой расправой с Казачеством завершилась казачья политика Московского царства, а потом Империи, которая „построена была на подавлении местных автономий, внешнего механического объединения и подавления“, благодаря которой, „все что было самобытным, своеобразным, подавлялось насильственно и истреблялось“, в силу чего у Яицких казаков создалась глубокая по смыслу, меткая, прекрасно характеризующая основную сущность русского централизма, народная поговорка: „живи, пока Москва не узнала“.

К сожалению, Москва „узнала“ Дон слишком рано и, узнав, сделала с ним то, что сделала: в казачьей крови потопила казачью свободу лишь потому, что она (Москва) невыносила никакой свободы вообще, а еще потому, по выражению одного петровского указа, „понеже сам знаешь, каково тот край нам надобен“, что является и в наши дни одним из главных „аргументов“ казачьих противников: „тот край нам надобен“, следовательно, „не могли противиться моему вправу“.

Хотя Петр I только 3 марта 1721 г. издает свой указ: „Донским (и Яицким) казакам во всех управлениях быть в ведении в Военной Коллегии“, а не иностранной, как бывало прежде, но именно в 1709 году был положен конец казачьей государственной независимости.

Таким образом, 1709 год можно назвать эпохиальным рубежом в казачьей истории: по ту сторону „рубежа“ все то, что дорого и свято для казака — казачья государственная независимость, свобода человеческой личности, священный казачий принцип „с Дона выдачи нет“, осуществленные в жизни идеалы народоправства — независимый выборный атаман-президент, казачий Круг-парламент; по сю сторону „рубежа“ все то, что противоречит всей духовной сущности казака, что ему насильно навязано — убитая казачья независимость, поруганная человеческая личность, вместо народоправства — московские приказы, вместо Круга, полноправного хозяина Земли — Круг только для „церемонии единожды в год“, вместо независимых Атаманов — „наказные атаманы“, которые стали созидаться в рабологии перед русским царем, их назначением, и писали: по всеподданнейшей рабской их должности для всеподданнейшего рабского поклонения“, казаки, превращенные из вольных в служилые, вместо свободного Донского Края, по определению В. А. Харламова (речь в Гос. Думе), „аракчеевские военные поселения“.

С этого времени, хотя сам казачий дух сопротивления не ослабел, но Казачество было истощено, обескровлено, борьба с русским деспотизмом стала бесконечно труднее, слава казачья стала тускнеть, а к XX веку эту подлинную и прекрасную казачью славу Петербург успел уже подменить другой, навязанной, „казачьей славой“, славой „охранителей царских устоев“. Только в 1917-19 годах, когда Казачество освободилось от духовных и политических оков, воскресило свое древнее казачье обыкновение, обрело свое казачье лицо — подлинная казачья слава снова, было, ярко загорелась, но, к сожалению, не надолго!

Спрашивается, только ли то, что „тот край (Казачий) нам надобен“ заставляло Московское царство, а затем и империю, с такими жестокостями подавлять казачью свободу, независимость? На этот вопрос следует ответить — нет, не только одно это, но и другие причины духовно-политического порядка, причины, корни которых в самых устоях, идеалах, мировоззрении русского народа, вернее, его „ведущего слоя“ и Казачества.

Это были два совершенно противоположные, взаимно друг друга исключаящие духовные миры, между которыми рано или поздно, но неизбежно должно было случиться столкновение, борьба не на жизнь, а на смерть. Это столкновение и случилось, к несчастью, при сильном, властном и жестоком Петре I, при самых неблагоприятных для Казачества условиях, когда оно, государственно еще недостаточно укрепившись (примитивность гос. аппарата, техники), разделилось на два лагеря — на войсковую старшину, которая свои личные имущественные, „классовые“ интересы поставила

выше интересов Казачества, в борьбе за эти свои личные интересы и почестей опиралась на внешние силы, связала себя с Москвой, и на казачью народную массу, лишенную опытного политического руководства, когда мало стало таких людей, которые своими действиями и словом могли —

Со дна сердец взбудить дерзаний сон;
Борений пыл вдохнуть в тщедушном теле,
Смиранных дум взмутить гнилой затон,
Замшелый челн сорвать с прибрежной мели!

(Каз. поэт Петр Закрыпа).

Чтобы нас не упрекнули в пристрастии, в несправедливом обвинении „войсковой старшины“, предоставим слово проф. Святикову, который пишет: „Социальный антагонизм на Дону проявился в третьей четверти XVII ст. довольно остро. Он был одной из главных причин крушения Донской независимости. Старшина казачья стала естественно (?) тянуть в сторону Москвы... Московская партия, создавшаяся на Дону в половине XVII в., состояла преимущественно из старшины... Их социально-экономические интересы начинали уже отделяться от интересов общины (т. е. всего Казачества. Ш. Б.). Переход от охотничьего быта к

скотоводству, а затем и к земледелию, пользование рабским и наемным трудом для охраны табунов и стад, для обработки земли, для услуг; накопление богатств в руках старшин, — все это выделяло старшин из единой прежде среды казачества. Обособленное положение старшины в казачьей среде, стремление их стать независимыми от воли демократической массы, желание обеспечить обработку своих земель принудительным трудом крепостных, жажда почета соответственно создавшемуся социальному положению, — все это заставляло старшин оглядываться невольно на Москву, на московское поместное дворянство, вздыхать о дворянском звании, о праве владеть крепостными. Процесс превращения старшины в дворян длился полтора века и закончился лишь в начале XIX ст. Однако, тенденция к разделению единой социальной массы казачества на две неравные группы наметилась уже во второй половине XVII ст.“...

И вот Москва, имевшая совершенно противоположные от Казачества основы общественно-народной жизни, подавила казачью независимость именно при активной помощи этой отказавшейся от казачьей духовной сущности „казачьей старшины!“

(Продолжение следует).

Праздник Вольного Казачества в г. Лионе.

В воскресенье 13 декабря 1931 года в помещении Grand Cafe-Restaurant Terminus, place Ronde, Montchat представительство журнала „В. К.“ в г. Лионе совместно с „Союзом Вольных Казаков (сепаратистов)“ устраивало политический „чай“ по случаю четвертой годовщины выхода в свет первого номера журн. „В. К.“

Большой вместительный зал (постоянное помещение „Союза Вольных Казаков (сепаратистов)“ в г. Лионе) великолепно декорированный, представлял исключительное зрелище... На центральном месте был расположен большой герб Казакии (проект),* отличенный в красках художником-казаком. По фронто-ну выше герба был протянут Вольноказачий сине-малиново-желтый флаг (линия 5 метр., ширина 1 метр.), на котором большими печатными буквами (30 сант.) было начертано „Наш девиз — Казачья Воля, Казакии — наша цель“, широкая сине-малиново-желтая лента окружала непосредственно и самый герб. На стенах были размещены 7 щитов, на коих и были прикреплены гербы Донского, Кубанского, Терского, Оренбургского, Яицкого, Астраханского и Калмыцкого казачьих Войск... Сверху щитов были развешаны сине-малиново-желтые флажки; через весь же зал в известной симметрии были протянуты гирлянды в цветах французского государственного флага. Трдами и работами вольных казаков, помимо внешнего убранства, отлично было сервировано и угощение, предложенное гостям, на столах, рассчитанных на 200 человек. В красивом порядке стояли вазы с цветами, фруктами, конфетами, печеньем, орехами и т. д. В одном углу залы был устроен буфет с прохладительными напитками; в другом углу разместились струнный оркестр (12 человек).

Ровно в 3 часа дня председатель „Союза Вольных Казаков (сепаратистов)“ в г. Лионе — хор. С. С. Настояще (Д. В.), открыл собрание и произнес следующую речь:

„Братья казаки, сегодня день великого торжества, день торжества вольноказачьего движения, день 4-летнего юбилея со дня выхода в свет первого казачьего политического журнала „Вольное Казачество—Вильне Козацтво“ — пропатора идеи Казачьей Государственности. Что было перед рождением вольноказачьего движения — нам известно; что есть в данный момент — мы видим и наблюдаем; что будет впереди — мы можем лишь разуметь и верить в самих себя, надеяться на нашего Казачьего Бога, рассчитывать на свои собственные силы, и стремиться, добиваться осуществ-

ления, претворения в жизнь нашей вольноказачьей идеи — создания Казакии.

Стремясь к развитию вольноказачьего движения, мы, вольные казаки, должны работать не покладая рук, то-есть широко развивать пропаганду наших идей среди масс Казачества, твердо и неукоснительно веря в час торжества Казачьей Правды. Констатируя развал в казачьих „единонеделимческих“ кругах, мы, вольные казаки (сепаратисты), с еще большей силой обязаны подыять дух Казачества и подготовить его к борьбе за право жить, за право существовать.

Светоч Казачьей Правды и Воли, журнал „В. К.“ делает большое и великое дело, собирает под Казачьи Знамена всех гордых и смелых казаков для борьбы за Казачье будущее, организует сплоченность Казачьего духа и воли, развивает степень Казачьей политической активности и приближает час обращения вольноказачьей идеи в действительность...

Поднимаю чашу алого вина и пью до дна, провозглашая здравицу светочу Казачьей Правды и Воли, журналу „Вольное Казачество“.

Следующим выступлением явилась речь тов. предс. „Союза Вольных Казаков (сепаратистов)“ — хор. И. В. Абрамова (Д. В.), говорившего следующее:

„Станичники и станичницы, в дни смятения духа казачьей массы, в моменты крушения „надежд“ на возрождение утопических мечтаний о „Наказных Атаманах“, на обломках развалин казачьей „единонеделимческой идеологии“, родилась смелая мечта о Казакии, силотились во едино целое казаки-самостийники и пошли широкой лавой в поисках казачьего счастья.

На Дону говорят „Бог не без милости, казак не без счастья“. Повторим это и здесь, в эмиграции, понадеемся на Божию милость, ринемся в погоню за Казачьим счастьем, веря и надеясь его обрести. Идея Казачьей Государственности жила всегда в сердцах и мыслях казаков, претворяясь ныне в действительность... Вперед же к цели без страха и сомнений, памятуя всегда, что руководящий фактор вольноказачьего движения, журнал „В. К.“ делает свое дело, дело пропаганды Казачьей независимости...

Представитель журнала „Вольное Казачество“ в г. Лионе — А. К. Ленин в о в (Д. В.) выступил с обширной речью на французском языке (читал):

„Национальное казачье освободительное движение направленное к созданию казачьего независимого государства Казакии, идейно осуществляется казачьей политической организацией Вольное Казачество, формирующейся из рядов националистов казаков-самостийников.

* См. № 70 журн. „Вольное Казачество“.